

С.С. Алексеев

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ: СОВРЕМЕННОСТЬ И ПРАВО

Проблемы либерализма

Вступление человечества в эпоху либеральных цивилизаций требует того, чтобы идеалы свободы, самостоятельности и достоинства личности получали все большее признание, становились высокосignимыми и непререкаемыми постулатами в сознании людей, все глубже осваивались теорией, прикладными отраслями знаний, выступали в жизни человека и общества в качестве высших ценностей. Ведь теоретические положения и публицистические лозунги нового времени были не только свершениями великих умов, но требованиями эпохи. Как справедливо отмечено в литературе, «в XV—XVIII вв. в Западной Европе совершился великий цивилизационный переворот», произошла смена надформационных по своему значению «типов социальности»¹, когда важнейшей чертой новой социальности становится осознание достоинства человека, «свободного, рационального и рационализирующего действия»² и когда, по словам М. Вебера, мы встретились с «людьми с ярко выраженными этическими качествами, людьми, прошедшими суровую жизненную школу,

Наследники идей. С. С. Алексеев и ученики

осмотрительными и решительными одновременно, людьми сдержанными и смелыми, уверенными и упорными — людьми с принципами»³.

Вместе с тем в действительности далеко не все произошло и происходит так, как этого «требуется эпоха».

И сама «свобода» со времен революционных бурь и войн XVIII—XIX вв. во многом обернулась кровавым якобинством, террором и анархическим разгулом и до настоящего времени воспринимается немалым числом людей в виде некой вольницы, простора для любого произвола и преступности. Да и слова о свободе, ее величии, и впрямь получившие широкое распространение, от частого к месту и не к месту употребления, от их частой несовместности с фактами жизни превратились в какой-то штамп, словесный фарс, расхожую, ничего не значащую формулу, потерявшую свое изначальное истинное значение.

Такого рода неблагоприятные последствия затронули и общественное движение, и достижение мысли, связанные со свободой людей, ее идеалами и ценностями, — либерализм, в том числе либерализм в России. И особенно горько, что именно в России, в обществе, где стратегия перемен остро нуждается в том, чтобы эти перемены строились в соответствии с современным направлением развития цивилизаций, с тенденциями перехода человеческого общества к цивилизациям либерального типа и, значит, с пониманием и программами по реальному воплощению в жизнь основных и истинных либеральных ценностей.

Более того, именно в современной России наметились такие «повороты» в истолковании и практических шагах по реализации идей либерализма, которые вызывают тревогу или по меньшей мере требуют серьезного непредвзятого критического осмысления.

Речь при этом, разумеется, идет не о самоприсвоении странной, авторитарно ориентированной партией названия «либерально-демократическая партия» (обстоятельство, которое, увы, не встретило изначального неприятия и жесткого протеста со стороны российской демократической общественности): тут явно причины и расчеты, очень далекие от нормальной жизни открытого гражданского общества. Речь — о том понимании либерализма, которое продиктовано официально провозглашенным курсом государственной власти на «рыночные реформы» и которое во многом утратило связь непосредственно с человеком, с его раскрепощением, возвышением его личности, активности, а отсюда и с правом.

Кант: фундаментальные либеральные ценности

В общепринятых представлениях теория современного либерализма редко связывается с именем Канта. Между тем именно Канту принадлежит заслуга выработки исходных положений, характеризующих сами основы, принципы свободы людей в обществе и — что не менее существенно — нераздельность свободы и права. И это вполне закономерно согласуется с тем, что именно на Канта выпал «заказ истории» по разработке мировоззренческих оснований либеральных цивилизаций.

Главное здесь — выработка Кантом того положения, которое без каких-либо преувеличений может быть названо классической формулой либерализма, указывающей на самую суть концепции свободы человека.

Вот эта формула. «Никто, — пишет Кант, — не может принудить меня быть счастливым так, как он хочет (как он представляет себе благополучие других людей); каждый вправе искать своего счастья на том пути, который ему самому представляется хорошим, если только он этим не наносит ущерб свободе другого стремиться к подобной цели — свободе, совместимой по некоторому возможному всеобщему закону со свободой каждого другого...»⁴

Эта мысль — «вправе сам» («только сам»), отдающая безусловный приоритет праву и ответственности за решение своих дел, своей судьбы «самому» человеку, — является наиболее существенной, основополагающей идеей в последовательной теории либерализма. Ее Кант повторяет многократно, в различных вариациях, связывая с ней и развитие производства, и характер взаимоотношений человека с государством, и перспективу развития общества, и ее оптимальную организацию. И в этом же ключе философ определяет основное направление общественного развития в новую эпоху — развитие культуры свободы, обеспечение свободы личности, ее раскрепощение, возвышение ее статуса, достоинства, неотъемлемых прав, — направление, которое во многом и обуславливает придание праву (праву человека) значения цели жизни общества, ее высшего принципа.

Именно тут, в этом пункте, нужно видеть тот коренной, характерный для перехода к либеральным цивилизациям перелом в самой философии жизни людей, всего общества, который именно в эпоху Просвещения нашел выражение в переходе от идеологии патернализма, прощения и одной лишь любви к человеку к его раскрепощению и возвышению, развитию культуры свободы. Под этим углом зрения достойна внимания оценка Кантом столь модной, и в прошлом, и ныне, идеи отеческого правления мудрым и справедливым правителем, будто бы соответствующей либеральным идеалам. Кант пишет: «Правление, которое зиждилось бы на принципе благоволения народу, подобном благоволению отца своим детям, иначе говоря, правление отеческое (*imperium paternale*), при котором подданные, как несовершеннолетние, неспособные различать, что для них на деле полезно, а что вредно, принуждены оставаться сугубо пассивными, ожидая от главы государства суждение о том, как им надлежит быть счастливыми, и предоставляя это суждение его милостивому соизволению, — такое правление есть величайший деспотизм, какой можно себе представить (такое устройство, при котором уничтожается всякая свобода подданных, не имеющих в таком случае никаких прав)»⁵.

На основе такого — очень строгого, пожалуй, даже щепетильного — понимания свободы человека, ее культуры Кант формулирует ряд принципов либерализма, в том числе и такое, тоже не раз им повторенное в своих сочинениях, положение, в соответствии с которым фактическое благополучие человека должно находиться в правовом гражданском обществе в зависимости от его «таланта, прилежания и удачи»⁶. По его мнению, человек и при невзгодах не утрачивает человеческих качеств и перспективы счастья, если сознает, что причина его неудач не в «заведомых преимуществах других», не в «непреодолимой воле других людей», «а только в нем самом (в его способности или упорстве) или же в обстоятельствах, которые он никому не может поставить в вину»⁷.

Среди других сформулированных Кантом принципов либерализма, соотносящихся с исходными началами свободы человека, следует выделить

его идею, согласно которой главная формула — «вправе сам» («только сам») — должна быть распространена на все общественное устройство, его организацию. По мнению Канта, «вся культура и все искусство, украшающие человечество, самый прекрасный общественный порядок являются плодами необщительности, которая в силу собственной необходимости должна сама себя дисциплинировать»⁸.

На мой взгляд, ход мысли философа таков, что он предопределяет неизбежный вывод, в соответствии с которым «собственная необходимость», даже необщительность (постоянный антагонизм), сама себя дисциплинирует, и это неизбежно ведет к самоорганизации общественной жизни и, стало быть, к тому, что общество должно строиться по своей основе на началах саморегуляции.

Саморегулирующееся общество, таким образом, с позиций последовательно либеральной теории и есть, надо полагать, оптимальное построение совместной жизни людей. Оно, по всем данным, не только в максимальной степени согласуется с природными предпосылками человеческого бытия, с необходимостью известных иерархических начал в общей организации жизни и требованиями личной свободы человека, но позволяет решить наиболее сложные жизненные проблемы, и прежде всего «проклятую» проблему умирения власти, изначальное ее функционирование в строго необходимых, ограниченных пределах, устраняющей саму возможность для государственного произвола. В рассматриваемом отношении саморегулирующееся общество — это одновременно и гражданское общество и — что не менее важно — «общество права» — правовое общество, в котором право и призвано быть целью общества, его высшим принципом.

В сложном, противоречивом развитии либеральной теории ее исходное звено — понимание безусловного приоритета права и ответственности самого человека за свою судьбу — неизменно оставалось, во всяком случае в суждениях выдающихся представителей либерализма, наиболее важной, ключевой идеей. Примечательно, например, что один из крупнейших мыслителей современности Ф. Хайек, немало сделавший для «рыночной интерпретации» либеральной теории, в то же время, и притом в органической связи с правом, с правозаконностью, подчеркивает необходимость уважения личности как таковой и отсюда признания «абсолютного приоритета взглядов и пристрастий каждого человека в его собственной сфере деятельности»⁹.

По-видимому, своего рода сверхзадачей в либеральной теории, ее развитии должно остаться бережное отношение к ее исходному, базисному основанию — к свободе человека, а в этой связи — к утверждению и обогащению культуры свободы личности.

С этих позиций, по всем данным, надлежит рассматривать и возможную перспективу восприятия либеральной теорией известных социалистических идей, ведь крах идеологии коммунизма вовсе не означает утраты ценности истинно социалистических представлений о людской солидарности, взаимопомощи, других категориях, выраженных в простой человеческой морали, повторяющихся во всех прописях религиозных учений, в раннехристианских канонах. По своей сути эти представления носят характер, вполне отвечающий требованиям и культуре свободы личности. Все дело лишь в том, чтобы при восприятии указанных представлений мы вновь не соскользнули бы на путь утопий и

не были бы заслонены и тем более — потеряны — исходные, фундаментальные либеральные ценности, относящиеся к свободе человека, к его абсолютному, безусловному праву «самому» решать свои дела, свою судьбу.

И — одно, в общем, курьезное сцепление обстоятельств (впрочем, давшее неожиданный эффект в начальной фазе реформ в России). В силу того, что в первые годы своей творческой деятельности Маркс не совсем еще отошел от либеральных представлений, в некоторые произведения, в том числе в «Манифест коммунистической партии», попало исконно либеральное положение, не имеющее никакой связи с сущностью этой радикально революционной доктрины, — «свобода каждого является условием свободы всех». Курьез — в том, что в нынешнее время, когда революционная доктрина марксизма обнаружила перед всем миром полную свою несостоятельность, свою античеловеческую, террористическую природу, приверженцы коммунистических взглядов неожиданно придали этому, случайно попавшему в марксистские катехизисы либеральному положению значение чуть ли не «основополагающей сути» всей доктрины. И другой курьез — в том, что в годы перемен, начавшихся во второй половине 1980-х гг., это же положение, выдаваемое за «марксистское», позволило даже в обстановке вездесущего господства коммунистической идеологии начать осуществление некоторых истинно либеральных мер (например, путем кооперации, арендных отношений в области приватизации государственной собственности) — мер, которые по своей значимости, с точки зрения исходных либеральных ценностей, намного превосходят многое другое, что потом в официальном порядке было названо «кардинальными» и «либеральными» реформами в экономике.

Наслоения

Развитие либеральной теории в XIX—XX веках наряду с углублением концептуальных идей характеризуется появлением и таких представлений, которые повлекли за собой односторонние, по ряду данных ошибочные ориентации в теории и на практике.

Одна из них — это уже упомянутая ранее «рыночная ориентация» либерализма.

Ее предпосылки закономерны, по своей сути вполне оправданы. Развивающаяся индустриальная и постиндустриальная капиталистическая экономика в условиях нарастающего научно-технического прогресса (и к тому же с середины XX века в противостоянии с плановой экономикой коммунизма) выдвинула «рынок» в качестве своего рода смыслового узла динамичных, постоянно модернизируемых экономических отношений, построенных на частной собственности. «Рынок» в этих отношениях предстал не только как показатель эффективности экономики (М. Фридмен), но главным образом как выражение всеобщих черт экономического поведения в свободном обществе, на котором основываются определенные экономические и социальные институты (Ф. Хайек).

В немалой мере оправданно и то обстоятельство, что в капиталистических странах с развитой постиндустриальной рыночной инфраструктурой внимание либеральной мысли сосредоточилось на институтах свобо-

ды макроэкономического уровня, впитавшей в той или иной степени элементы государственного капитализма, — акционерных обществах, свободы банковского капитала, денежной и кредитной политики в государстве и т.д. Оправданно — но, по-видимому, не вполне — хотя бы по той причине, что свобода человека в развитых демократических странах с либерально-демократической, политической и правовой системами после длительного и сложного исторического развития уже утвердилась на «микроуровне» в отношении человека, его статуса и прав — и не только в конституционном порядке, законах, функционировании правосудия, но и на практике, в самом образе жизни людей, всего общества.

К сожалению, вполне обоснованное внимание к рыночной проблематике создало у немалого числа людей одностороннее впечатление о либеральной теории в целом, о том, что «рынок» вообще стал центром либерализма, вплоть до того, что современные политические институты рассматриваются некоторыми специалистами как институты «рыночной демократии». А это не только придало чуть ли ни коммерческий оттенок всем демократическим категориям (притом в условиях, когда далеко не все социальные проблемы вообще — воспитания, гражданственности, обучения — могут быть решены рыночными методами), но и заслонило главную либеральную ценность — свободу автономного человека, его статус, достоинство, неотъемлемые права, т. е. заслонило ключевую проблему жизни, не менее острую и ныне, когда взамен господства государственной власти в отношении личности все более угрожающие позиции начинает занимать диктат господствующих олигархических, плановых групп крупного финансового капитала. Из зоны повышенного внимания в такой обстановке стало ускользать и право, которое в рутинной суете в общем благополучной жизни современных демократических государств все более представляется в качестве привычного и даже архаичного образования — некоего само собой разумеющегося благостного наследия дальнего прошлого.

Другая односторонняя ориентация в трактовке либеральной теории также имеет реальные основания. Это — негативные стороны промышленной, индустриальной и постиндустриальной капиталистической экономики, ведущие ко многим бедам, порой — к разрушительным, катастрофическим последствиям.

Ведь сама по себе эта экономика, основанная на императивах экономической свободы, при всех импульсах и тенденциях к самоорганизации не способна предотвратить такие стороны ее функционирования, как доминирование экономического эгоизма, пренебрежение к духовным, этическим критериям поведения, попрание интересов экологии, а порой и хаос произвола, беспредел преступности, т. е. все то, что дает довольно весомые фактические основания для жесткой социалистической критики либеральных воззрений и будто бы исторической оправданности коммунизма и даже его мессианского предназначения.

Поэтому такая трансформация либеральных воззрений, когда с конца XIX века появились течения неолиберализма, реформаторского и даже социалистического либерализма (в том числе теории солидаризма, христианской демократии, неоконсерватизма, идеи «прорейнского» капитализма). Отсюда же — идея консенсуса, представляющая собой модифицированные представления об общественном договоре, необходимости реше-

ния многих проблем в жизни общества на основе общественных интересов и согласия.

Идея консенсуса в определенной мере согласуется с либеральными идеалами и ценностями. Согласуется в той мере, в какой эта идея отрицает универсальный характер рыночных методов и обосновывает значительность духовных, нравственных принципов в жизни людей, плодотворный характер в этом отношении деятельности негосударственных общественных образований, социальной государственной помощи нетрудоспособным и малотрудоспособным слоям населения.

Но, увы, эта идея, особенно в XX веке, нашла такое выражение в неолиберальных просоциалистических воззрениях, в соответствии с которыми либерализм будто бы не исключает прямого вмешательства государственной власти в хозяйственную жизнь, государственную императивную деятельность по уравниванию доходов населения, наращиванию уровня общего социального обеспечения всего населения.

Не затрагивая той стороны идеи консенсуса, которая касается социалистических взглядов (о них уже было упомянуто), необходимо обратить внимание вот на что. Вызывает серьезную озабоченность подспудная идейная настроенность в такого рода обоснованиях роли государства в экономике. Сутью такой настроенности является возвеличивание государственной власти, ее будто бы незаменимой и благородной миссии даже в тех сферах жизни общества, которые должны строиться на принципах свободы человека.

Благодатной почвой для такой настроенности послужили события в капиталистическом мире 1920—1940 годов, когда сообразно кейнсианским разработкам государственное вмешательство в экономическую жизнь капиталистического общества получило широкое признание в качестве панацеи при решении многосложных задач выхода из великой депрессии, проблем военного и послевоенного времени. Благодатными фактами подобного же рода некоторые политики и специалисты считают взлет экономики в последнее время в ряде стран Азии и Южной Америки, где господство авторитарных, военно-полицейских режимов (таких, как режим военной диктатуры в Чили, утвердившийся после насильственного переворота) рассматривается в качестве основы современного экономического благополучия этих стран.

При этом, однако, мало кто обращает внимание на то, что позитивная характеристика вмешательства государства в экономическую жизнь (при этом в современной рыночной экономике — всегда в дозированных объемах) оправдана лишь постольку, постольку это вмешательство все же сочетается с использованием «человеческого фактора» в рыночных механизмах, а главное — перекрывает отрицательные свойства и последствия такого государственного вмешательства, раз оно носит вынужденный характер, представляет собой «вынужденное зло» — касается положения вещей и ситуаций, из которых нет иного выхода, кроме как привести в действие аппарат принудительного государственного воздействия.

Не случайно поэтому во многих западных странах, исповедующих либеральное мировоззрение, при отпадении острой необходимости принудительные государственные меры постепенно свертывались, заменялись институционными и регулятивными формами общественной самодетельности и частной инициативы. Аналогичные процессы характерны для упо-

мянутых ранее стран Азии и Южной Америки, где миссия военно-полицейских режимов является совсем иной, чем это нередко представляется (она лишь раскрыла предпосылки и потенции, уже существующие в обществе), а главное — там, где она не соединялась с линией на понижение «уровня власти» в обществе, развитием либеральных ценностей, именно сейчас, в наши дни, проходит через жестокий экономический и политический кризис.

Нужно твердо знать — императивная государственная деятельность, основанная на принудительной силе и потому связанная с постоянным чиновничьим и полицейским аппаратом, имеет изначально преимущественно положительное значение тогда, когда она основывается на выборных, представительных учреждениях и по своему содержанию выражается прежде всего в установлении законов — общих правил поведения, определяющих для всех дозволенное и недозволенное, когда она на управленческом уровне сводится к одному лишь точному и скрупулезному исполнению и соблюдению законов, например, в борьбе с правонарушениями, в процессуальной деятельности по решению конфликтов.

Но как только управленческая деятельность меняется местами с законодательной, приобретает в государственной жизни приоритетное значение, начинает выражаться во «вмешательстве», предполагающем возможность усмотрения (и особенно в сферах жизни, которые должны быть основаны на свободе людей), она становится поприщем для административного своеволия, чиновничьего произвола, других бед, неотвратимо неотделимых от бюрократии, императивно-властных действий в отношении человека, т. е. — выражением всего того, что в лучшем случае может быть обозначено как «неизбежное зло», а по главным своим чертам должно быть охарактеризовано в качестве проявлений тирании, господства возвеличенной власти, государственного произвола и — что особо трагично — попрания исходного базиса либерализма — свободы человека (или такой реализации его свободы, когда она загоняется в жесткие рамки «соискателя рабочего места» и «полноправного потребителя»).

Общим же знаменателем всех этих наслоений в либеральных воззрениях является умаление права, фактическое принижение, а порой и полное отсечение от него в теории и на практике тех его сторон и компонентов, которые связывают право с самой сутью свободы человека, возвышают его, превращают его в право человека.

Еще более пагубным в рассматриваемом отношении является ориентация некоторых современных либеральных течений на всемогущую государственную власть: в крайних своих проявлениях эти течения, «забывающие» о своей первооснове, вообще отодвигают право на периферию жизни общества, вновь — как и в коммунистические времена — при всех юридических словословиях фактически рассматривают его в качестве не очень нужного, второстепенного и даже порой осложняющего реальную жизнь социального института, отличающегося к тому же излишними претензиями его служителей.

Экономические реформы в России и либеральные взгляды

Сейчас, по прошествии более чем семи лет после начала в 1992 году экономических реформ, объявленных «кардинальными» и одновременно

«либеральными», в России утвердился экономический и социальный строй, в котором, вопреки расчетам и ожиданиям, восторжествовала не свободная динамичная рыночно конкурентная экономика с доминирующим средним классом, а система номенклатурно-кланового государственного капитализма с господствующим положением лидирующих олигархических групп крупного финансового капитала. И только в 1997—1998 годах, когда все более обнаруживались тупики в экономическом и социальном развитии общества, предпринимались некоторые шаги (попытки «отлучения» представителей олигархических групп от государственных постов, развития мелкого предпринимательства, перенастройки «акционированных предприятий» на товаропроизводительную деятельность и др.), которые, по новым расчетам, призваны изменить нынешнее положение дел, сломать существующие тенденции, по-новому определить стратегию экономического и социального курса.

Думается, однако, что действительно назревшее изменение курса социально-экономического развития современного российского общества состоит не только и, пожалуй, даже не столько в том, чтобы наметить и провести те или иные «шаги» реформирования экономики и социальной сферы, ориентированные на свободный конкурентный рынок и средний класс, сколько в том, чтобы наконец-то определиться с пониманием фундаментальных либеральных ценностей, которые необходимо утвердить на российской земле.

Здесь два коренных вопроса. Это, во-первых, о главном звене либеральных преобразований в обществе, в том числе и в экономике, а во-вторых, о мере и характере участия в таких преобразованиях государственной власти.

В отношении звеньев экономических преобразований в России получилось так, как это в основном и вытекает из доминирования «рыночных представлений» в понимании либеральных ценностей, причем — таких, которые сосредоточены вокруг макроэкономических категорий в их современном развитии в виде (акционерного и банковского капитала, денежной и кредитной политики).

И в общем это понятно. Бедственное экономическое положение страны ко времени начала реформ, действительно острая необходимость создать в экономической жизни нормальные денежно-финансовые условия да стремление добиться максимально быстрого успеха, обостренное сложной политической обстановкой и борьбой за власть, настроили инициаторов реформ и политических лидеров страны на решительные преобразовательные меры.

В такой обстановке в конце 1991 — начале 1992 года «шоковая» акция (в наших условиях — далеко не «терапия», а болезненное «хирургическое вторжение» в живой, пусть и умирающий, экономический организм), действительно, оказалась неизбежной мерой. Отмена государственных дотаций на товарном рынке и вытекающее отсюда «освобождение» цен стали тем жестким действием власти, которое открыло простор — по макроэкономическим оценкам — для регулирующих функций «рубля», а в реальном экономическом бытии, к счастью, оказалось и толчком к активизации инициативной предприимчивой деятельности людей и не только в области денежных, валютных операций, но и в непосредственно хозяйственной работе — деятельности, приносящей быстрый доход, в первую очередь в торговле.

А вот другая широкомасштабная властная мера — приватизация, которая единственно могла раскрепостить созидательный потенциал собственности и на этой основе открыть простор для активизации инициативной предприимчивой деятельности людей уже непосредственно в производстве, дала совсем другой эффект, нежели это предполагалось, будем верить, по либерально ориентированным расчетам. Мера эта не только запоздала (по логике рыночных реформ «освобождению цен» должно было бы предшествовать появление в значительных масштабах собственника-хозяина в производстве). Она вновь, как и в социалистические времена, отдавала утопическими расчетами и, более того, несла в себе известные гены большевизма (подогреваемое разного рода политическими страстями намерение, отвергая все «старое», решительной акцией «сверху», одним броском путем распределения части государственного имущества по ваучерам и сплошного акционирования предприятий, разом перейти к развитым формам процветающей капиталистической экономики). Но в реальной хозяйственной жизни такого рода широкомасштабная мера своей направленностью на высшие формы развитого капиталистического хозяйствования — акционерные общества — сама по себе оказалась не способной дать ожидаемый эффект по активизации производительной деятельности людей, деятельности по производству товаров и оказанию услуг. Тем более, если преобразование предприятий — как это случилось в нашей стране в 1992—1995 годах — проводилось в порядке «сплошного акционирования», приобретающего по этой причине по большей части формальный характер.

Ведь акционерные общества по самой своей природе и сложившимся организационно-правовым формам не являются формой приватизации — способом перехода от «общенародного достояния», являющегося частью бюрократической коммунистической системы, к частной собственности. Акционерные общества призваны быть эффективной организационной и правовой формой деятельности уже существующих частных собственников, приспособленной к тому, чтобы привлекать в общества новых собственников или служить легальной ареной борьбы между финансовыми магнатами, способом концентрации акций в руках одного из собственников, их группы (а в этой связи — в наших условиях, как выяснилось позже, способом пополнения государственного бюджета путем «продажи акций», принадлежащих государству).

Вот почему преобразование предприятий в акционерные общества, преимущественно — открытые, неизбежно свелось по большей части к смене вывесок, да к тому еще, что прежние государственные управляющие-директора стали бесконтрольными властителями имуществ. Лишь в ходе дальнейших коммерческих процессов, связанных со скупкой акций, как правило, обладателями «большого денежного мешка», на акционированных предприятиях появляется действительный хозяин-собственник, впрочем, далеко не всегда предприниматель-профессионал, подвижник, хозяйственник, заинтересованный в развитии и модернизации производства.

Беда российской приватизации 1992—1995 годов состоит и в том, что проведенное по-большевистски, в быстрых темпах сплошное акционирование государственных предприятий сопровождалось свертыванием или даже полным упразднением арендных и кооперативных предприятий — действительно продуктивных институтов, связанных с формированием в

самом процессе хозяйственной деятельности, в основном в сферах малого и среднего предпринимательства, собственников-товаропроизводителей, но не во всем соответствующих эталонам высокоразвитого капиталистического хозяйствования.

Но как бы то ни было, настойчивое проведение в России указанных мер по преобразованию экономики, объявленных «либеральными» (отчасти — успешных, в области приватизации — в основном неудачных), отразилось на понимании либерализма, его фундаментальных ценностей.

На понимание либерализма в связи с реформами в России повлияло и другое обстоятельство. Это — высокая степень властно-государственной деятельности, ее возрастающая интенсивность. Ведь все указанные ранее преобразовательные меры представляют собой императивные решения и действия государственной власти, крутые инициативы «сверху». Причем такие решения и действия, которые и после их совершения — как это характерно для большинства акционированных предприятий — нуждаются в продолжающемся интенсивном государственном воздействии. Думается, вовсе не случайно некоторые либерально настроенные деятели в России ныне сделали своим кумиром всемогущего «царя», а среди иных персонажей, например, таких авторитарных правителей, как российский Столыпин и чилийский Пиночет).

Что ж, при проведении серьезных экономических и социальных преобразований в стране, оказавшейся после многодесятилетнего господства коммунизма деформированной, а после его крушения разрушенной, без решительных акций государственной власти не обойтись. Но эти акции должны служить первым толчком, всего лишь стартовой фазой такого последующего развития, которое затем основывается на собственной свободе и собственной инициативе людей и поэтому происходит само, по интересу, инициативе и действиям самих участников экономических отношений, непосредственных производителей. Словом, если исходить из фундаментальных либеральных ценностей, последующее развитие после «первого толчка», стартовой фазы, открывающей гарантированный простор для собственных инициативных действий людей, должно и в области производства реализоваться так, как это после 1992 г. произошло в области торговли.

Увы, в России в результате неудачной, хотя и внешне эффектной, приватизации этого не случилось. Во всяком случае, не случилось в тех широких масштабах, в каких ожидалось по оптимистическим расчетам. Свобода и инициатива в экономических действиях оказались в руках небольшого слоя финансовой олигархии — главным образом выходцев из бывлой партийно-комсомольской номенклатуры. Большинство же участников непосредственной хозяйственной деятельности, работников с «синими» и «белыми» воротничками, так и остались на положении пассивных исполнителей, соискателей «рабочих мест», людей, ожидающих наступления эры благополучия, теперь — со стороны не только власти, но и финансовых магнатов, иностранных инвесторов. И это, помимо всего иного, еще более укрепило в обществе впечатления о либерализме, основанные на рыночных категориях, причем таких, которые отражают российские реалии: и доминирование макроэкономической политики, и господство финансовой олигархии, и нравы дикой, базарной рыночной стихии, и криминализацию экономической жизни.

Новые потери

В связи с характером, направленностью и результатами проводимых в России экономических реформ либеральные ценности, представления о них понесли в нашем Отечестве потери.

Самая существенная и горестная из таких потерь — утрата в представлениях людей приоритетного значения главной, исходной категории свободы — права и ответственности человека самому решать свои дела и свою судьбу. Более того, при известных позитивных симптомах в этой области (все же общий настрой на собственную активность стал пробивать себе дорогу), рассматриваемая категория в немалом числе случаев и направлений деятельности получила уродливое выражение — вылилась в стремление к обогащению любой ценой, неостановимую манию как можно скорее набить карманы дензнаками, полное игнорирование этических и духовных критериев поведения, криминальные, разбойничьи нравы в бизнесе. Отсюда — деформация представлений о либеральных ценностях и, как следствие, утрата веры в них, растущее к ним предубеждение, а порой и неприязнь.

Нетрудно заметить, сколь значительное место среди причин, вызвавших такого рода потери, должно быть отнесено на счет неудач проводимых в России экономических реформ (особенно — приватизации). И по сути дела — на счет того официально провозглашенного курса на «рыночные реформы», который оказался связанным главным образом не непосредственно с человеком, не с его раскрепощением, возвышением его личности, активности, а прежде всего с властью, государственной политикой макроэкономической ориентации, со всеми ее многосложными тревожными характеристиками.

Но едва ли допустимо ставить на подобной констатации точку (к тому же и она, эта констатация, понятно, не бесспорна). Здесь необходимо попытаться увидеть более глубокие основания трудностей и бед, существующих в реформируемом российском обществе.

Эти основания, на мой взгляд, касаются самой сути, стержня либеральной цивилизации — культуры свободы, — того звена общечеловеческой культуры, которое охватывает духовные, моральные (религиозные) начала жизни людей и которое находит свою жизнь в праве. При этом в отношении современного российского общества требуют к себе специального внимания по крайней мере два обстоятельства.

Первое из них — это особенность истории России, которая в отличие от ряда стран Европы не прошла через историческую полосу Возрождения, не утвердилась в многовековом процессе в его ценностях, сутью и смыслом которых и является как раз культура свободы человека, коренящаяся в интеллектуальном отношении в античной философии, античном культе права и в христианстве, а на практике — в деловом использовании собственности, риске, обратном вложении доходов от собственности в производство.

И второе обстоятельство, относящееся к нашей суровой действительности, реалиям посткоммунистического общества, — разрушенность всей общественной жизни после многодесятилетнего коммунистического господства. Эта разрушенность поразила, наряду со всем другим, одну из наиболее важных и одновременно уязвимых сторон бытия людей — их свободу, представления о ней, императивы ее реализации, ее культуру — все то,

что и ранее и теперь выражается в нравах вольницы, и в то же время — настрое на покорность, на безропотную готовность подчиниться диктату. Именно состояние глубокой разрушенности общества, деформированность всех его институтов, свидетельствующих о невозможности простого их реформирования в общепринятом значении этого понятия, предполагает прежде всего осторожное и аккуратное восстановление исходных элементарных начал жизнедеятельности, относящихся в первую очередь к собственности, к активности людей, культуре их свободы.

Выходит, трудности и беды, связанные с реформами в России, — не случайность, не отдельные просчеты в реформаторских планах и в их проведении. Суть дела — в стратегии реформ и в состоянии общества, в его готовности к восприятию тех или иных организационных и правовых форм, настрое населения, участников хозяйственной жизни принять намечаемые преобразования, включиться в их осуществление, а значит, со стороны реформаторов и власти, — в точном определении главных ценностей, характеризующих содержание и назначение этих преобразований.

В наших российских условиях здесь, надо полагать, потребуется пересмотр стратегии реформ, такое построение реформаторских акций, которое выражало бы их подчинение главной либеральной ценности — человеку, его праву и ответственности самому решать свои дела и свою судьбу. И именно это является первейшим и необходимым условием для того, чтобы в обстановке входящих в жизнь новых организационных и экономических институтов началось «саморазвитие» — осуществление и развитие экономических и иных отношений на основе собственной активности, инициативы, предприимчивости самих участников отношений.

И здесь, независимо от возможных оценок реформаторских акций в прошлом (в том числе и по приватизации), очевидно, по-прежнему острым остается вопрос о выработке, теперь уже с учетом существующей системы акционерных обществ, таких хозяйственных форм и структур, которые нацелены на выработку и развитие культуры свободы, способствуют приобщению людей к производительной собственности, реализации ее потенциала, а отсюда — потенциала инициативы и собственной активности.

Под рассматриваемым углом зрения вновь нужно сказать о власти, возможности ее использования для решения реформаторских задач. Трудности реформирования российского общества, застой в его экономическом и социальном развитии, по-видимому, вновь подталкивают к мысли об использовании в реформаторских целях опыта тех стран (Чили, Испания, Турция, послевоенная Япония), в которых «сильная власть», т. е., по сути, режимы авторитарного типа, вплоть до оккупационного, обеспечили проведение быстрых и решительных либеральных преобразований.

Хотелось бы верить, что новый соблазн перейти к процветанию одним кардинальным натиском, породивший одну из самых страшных бед человечества — большевизм, не заслонит существующих здесь реалий, проблем и тревоги. Для этого нужно видеть положение вещей — и в странах с «удачными» реформами, и в нашем Отечестве — таким, каким оно есть.

Ни в одной из упомянутых стран с сильной властью, осуществивших быстрые либеральные реформы, не существовало в такой степени, как в России, разрушенности общества, предполагающей не столько реформирование существующих социалистических институтов, сколько восстановление элемен-

тарных условий жизнедеятельности — прежде всего в области положения личности, отношений собственности. Вместе с тем во всех указанных странах — пусть и в разной степени соответствия идеалам — уже существовали отношения частной собственности, те или иные элементы культуры свободы, содержащиеся в действующих юридических установлениях, принятых нормах религии и морали, в самом образе жизни людей.

Фактическое положение в указанных странах в какой-то мере было схожим с положением советской России в начале 1920-х годов, когда в реальном бытии во многом фактически сохранялись уклады и порядки дореволюционного времени, не до конца еще разрушенные коммунистическим режимом, и когда в этой связи после решительных действий власти «по введению нэпа», открывшего известный простор для частной собственности и предпринимательства, в считанные месяцы возобновилось в обществе динамичное экономическое развитие.

И если уж искать поучительные для нас примеры, то следовало бы обратить внимание на опыт Китая, при всей его противоречивости и по ряду пунктов принципиальной неприемлемости. Ведь поразительные успехи Китая в экономике базируются не на сплошном насаждении на китайской земле передовых экономических и правовых форм развития капитализма (для этого были отведены лишь отдельные анклавные — «открытые зоны»), а на «человеческом факторе» — постепенном, неторопливом раскрепощении хозяйственной деятельности большинства населения, осуществляемого при помощи трудовой частной собственности, кооперации, аренды.

К тому же нужно видеть и те опасности, которые таит в себе наша отечественная державная государственность. Ведь при всех широковещательных демократических конституционных новациях в нашей отечественной государственности (и «царской», и «советской», и «нынешней демократической») сидят пока неистребимые импульсы ко всевластию, стремлению держать в своих руках все и вся. Эти импульсы и стремление, как свидетельствует прошлая практика, укореняются и распространяются на всю жизнь общества, стоит только дать им дополнительное легальное основание, связанное с намерением использовать сильную власть для решения «либеральных преобразований».

Так что убережет нас Бог от новых иллюзий! И от бесовских соблазнов кардинальных и быстрых решений и акций, грозящих рецидивами большевизма! Использование сильной, действенной государственной власти в целях последовательного осуществления либеральных преобразований в наших сложных отечественных условиях допустимо, надо полагать, при двух неперемennых условиях:

— во-первых, при безусловном сохранении такого строго обеспечиваемого уровня демократического состояния общества, который бы исключал соскальзывание власти к диктатуре, тирании;

— во-вторых, при такой направленности императивных государственных преобразовательных акций, когда бы на первом месте в экономике, социальной жизни оставался человек, его интересы и воля и когда бы государственные акции не шли дальше функций «первого толчка», «пускового и страхующего механизма». И следовательно, когда последующее экономическое, социальное развитие осуществляется в принципе «само» — силой и энергией самих участников хозяйственной, социальной жизни, их активностью, инициативой, предприимчивостью.

Либерализм и право

Судьба либеральных по замыслу экономических реформ в России остается до настоящего времени не вполне определенной. Если им и суждено сбыться в оптимальном для либеральной цивилизации варианте (а сбыться им в конечном итоге суждено), то произойдет это, по всем данным, не скоро — станет результатом многотрудного экономического, политического и духовного развития общества.

В ближайшей же перспективе возможно даже известное попятное движение, усиление под флагом «согласия и примирения» прокоммунистических элементов и тенденций или, что не менее тревожно, консервация под флагом «стабилизации» строя правящей олигархии государственного номенклатурного капитализма, способного по некоторому минимуму даже «улучшить положение» людей.

В такой обстановке представляется в высшей степени важным не опоздать, закрепить позитивное, зацепиться, утвердиться на плацдармах и опорных точках, которые — будем верить — определяют успех последующего демократического развития российского общества.

Подобные плацдармы, опорные точки существуют во всех сферах жизни нашего общества (мелкое предпринимательство в экономике, антимонопольные порядки, организации среднего класса, политические институты самоуправления). И все же на первое место среди этих плацдармов, опорных точек, причем с отрывом от всего другого, следует поставить право.

Почему? Почему на первое место среди неотложных мер по реформированию российского общества сейчас следует поставить право?

Предельно кратко, опуская иные характеристики, на этот вопрос можно ответить так: потому что право — активный, действующий социальный институт, в нем уже содержатся исходные, важнейшие плацдармы, опорные точки на перспективу (ряд положений действующей Конституции, Гражданский кодекс, выражающие свободу человека, его статус). С опорой на них можно не только провозглашать известные идеи и идеалы, но и с использованием действенных юридических механизмов активно их защищать и активно проводить их в жизнь.

Не менее существенно также то, что именно с правом связан наиболее благоприятный, оптимальный прогноз развития современной цивилизации.

Теперь еще более отчетливо, чем ранее, видно: беды, обрушившиеся на российское общество в годы перемен, романтических ожиданий и надежд, вызваны не только экономическими и организационными просчетами, всесокрушающей борьбой за власть, за овладение ею и удержание ее, но и в не меньшей степени тем, что при всех широковещательных «правовых лозунгах» право не заняло достойного места в обществе, не стало твердой, «опережающей» основой преобразовательных мер. Вот и хлынул нарастающим потоком в российскую жизнь хаос бескрайней свободы (по определениям Канта — безрассудной! дикой! варварской! животной!), правового беспредела, тотальной криминализации общественной жизни. И принимаемые в 1996—1998 годах меры по «наведению правового порядка», «борьбе с организованной преступностью», «борьбе с коррупцией» представляются не только недостаточными, порой — жалкими, заранее об-

реченными на неудачу. Они ни на йоту не заменят того, что должно стать незыблемой основой — создание правового общества, общества, фундаментом и стержнем которого стало бы право — право человека.

¹ Соловьев Э.Ю. И.Кант: Взаимодополняемость морали и права. М., 1992. С.19.

² Мотрошилова Н.В. Социально-исторические корни изменений классической философии. М., 1990. С.66—67.

³ Соловьев Э.Ю. И.Кант. С.24.

⁴ Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. М., 1994. Т.1. С.285. В другом месте Кант пишет: «Когда гражданину препятствуют строить свое благополучие любым, им самим выбранным способом, совместимым со свободой других, то сдерживается жизнеспособность всего производства» (Там же. С.113).

⁵ Там же. С.285.

⁶ Там же. С.289, 293, 301.

⁷ Там же. С.293.

⁸ Там же. С.97. В том же направлении идут мысли философа, когда он пишет, что для правительства «...в условиях свободы нет ни малейшей надобности заботиться об общественном спокойствии и согласии. Люди сами выберутся постепенно из невежества, если только никто не будет умышленно удерживать их в этом состоянии» (Там же. С.145).

⁹ Новый мир. 1991. № 7. С.183.

«...ВОСТОРЖЕСТВОВАЛ НОМЕНКЛАТУРНЫЙ... КАПИТАЛИЗМ»

*Из интервью с членом-корреспондентом РАН С.С. Алексеевым
по поводу его выхода из Президентского совета**

<...> Первомайский нанес мне душевную травму. Когда тяжелой техникой, наряду с террористами, расстреливали невинных людей, когда один из генералов сказал: «Там практически нет заложников»... Само это выражение — «практически» — чего стоит. Сегодня мы расстреливаем «Градом» заложников, завтра найдем других противников. Потом пойдем с артиллерией на редакцию газеты, где журналист статью негодную написал. Это, конечно, гипербола, но допустимая. Когда вступает в действие решение о применении тяжелого вооружения для массового поражения, мы переводим ситуацию с гражданского конфликта в ситуацию войны: с террором, расправами и прочими ее атрибутами.

У меня есть статья на эту тему: «Война в Чечне как рецидив коммунистического правопонимания».

— Конечно, настроение не очень веселое, потому что такая уж ситуация — приходится идти на резкие нестандартные шаги — я их рассматриваю как те, что привлекут внимание общественности.

<...> Рушится все право. Царит криминальный беспредел. Надо что-то делать, что-то говорить, действовать.

* Полностью опубликовано: Урал. рабочий. 1996. 3 янв.